

ЛАНА МЕЙЕР

ПРОСТИ МНЕ
МОИ ГРЕХИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Мейер

Прости мне мои грехи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470942

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9712-4

Аннотация

Коул Стоунэм – первый мужчина, который получил надомной власть. Холодной и отстраненной, использующей мужчин и вьющей из них веревки. Так было до него. До моего личного змея-искусителя. Он заманил меня в свои сети и превратил в комок оголенных нервов... он хотел меня уничтожить, но забыл о том, что даже мой самый нежный поцелуй может стать для него той самой последней каплей яда. Вас ждет незабываемый властный главный герой и порочная героиня. Интриги, тайное братство, борьба с внутренним "я" и страсть, которой невозможно противостоять... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Ребекка	7
Глава 1	16
Ребекка	16
Коул	25
Глава 2	30
Ребекка	30
Коул	36
Глава 3	41
Флешбэк (то, что происходило в прошлом)	41
Коул	41
Наши дни	43
Ребекка	43
Глава 4	55
Коул	55
Ребекка	57
Глава 5	61
Флешбэк	61
Коул	61
Наши дни	64
Ребекка	64
Флешбек	71
Коул	71

Глава 6	75
Наши дни	75
Коул	75
Ребекка	77
Глава 7	85
Наши дни	85
Ребекка	85
Коул	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

В оформлении обложки использована фотография автора [AS Inc](https://www.shutterstock.com) «Best sexy elegant couple in the tender passion. Black background.» с <https://www.shutterstock.com>

Пролог

– Я вам нравлюсь, Скарлетт, признайтесь?

– Ну, иногда, немножко, – осторожно сказала она. – Когда вы не ведёте себя как подонок.

– А ведь я, сдаётся мне, нравлюсь вам именно потому, что я подонок.(с)

Маргарет Митчелл. Унесённые ветром

Ребекка

Он всегда раздражал меня одним своим присутствием.

Этим туманным взглядом, который был мне непонятен. Тем, что он слишком мало говорил и никогда не пытался противостоять, когда я делала все, чтобы вызвать хоть какую-то ответную реакцию.

Из-за меня вся школа называла его Изгоем. Уродом. Мои тупые одноклассники всегда подражали мне, и стоило только совершить какой-нибудь очередной безумный поступок, на первый взгляд, они немедленно делали из этого модную тенденцию.

Все ненавидели тех, кого ненавидела я. И наоборот – если же кто-то был удостоен хотя бы мимолетным кивком моего одобрения, автоматически возносился на пьедестал почета.

На самом деле он был далеко не единственным, над кем я любила подшутить или унижить, гордо проходя вдоль школьного коридора. Но его устойчивость к моим пакостям всегда распаляла во мне недобрый огонь, и мне хотелось окончательно довести его.

Коул вел себя так, будто ему плевать на мнение окружающих. Он жил где-то в своем отдельном мире, который создал сам. Иногда мне было настолько плохо, что я хотела, чтобы он забрал меня туда, но я знала, что после всего, что я с ним сделала, места для меня там не найдется.

– Сегодня первый день нашей взрослой жизни, – гордо заявила Мэри – одна из моих шестерок... Точнее подруг. По правде говоря, у меня никогда не было подруг. Я знала, что никому нельзя доверять, и поэтому предпочитала иметь подданных, но никак не близких людей, с которыми можно поделиться секретами. Ага, а потом о них будет знать вся школа.

– Ты о том, что сегодня первый день в старшей школе? – Мы шли по школьному коридору, в то время как остальные почётно уступали нам дорогу, не болтаясь под ногами.

– Да! – Её голос был полон наивного поросячьего восторга, на что я только закатила глаза. – Первые настоящие вечеринки, ну ты понимаешь, о чем я... Теперь все будет по-другому.

– Я тебя умоляю, Мэри, – усмехаюсь, окидывая ее холодным взглядом. Но я знала, что, отчасти, она была права. Летом мне уже удалось побывать на одной из таких вечеринок, куда меня взял мой старший брат Кайл. Вообще-то разница между нами была сведена к минимуму – мы погодки. И все же, я никогда не забуду, какой фурор я произвела среди гостей, появившись там. Одним своим присутствием я затмила всех девчонок, которые были даже старше меня.

Мне понравилось чувство превосходства над окружающими, к которому я стремилась многие годы. И я наконец—то зачеркнула парочку дел из своего грязного списка, благодаря этой вечеринке. Кажется, это были пункты: «Лишиться

девственности», «Попробовать траву», и весь этот прогресс всего за одну ночь.

– Например, сегодня – в честь начала учебного года. Ты же пойдешь? – Она продолжала грузить меня своими надоедливymi вопросами.

– Я с Треем и его друзьями сегодня. Но, возможно, нам будет скучно, и, так и быть, я заманю их на эту вечеринку. – Мы подходили к классу, и я сделала глубокий вдох, чтобы заранее подготовить себя к гадкому зрелищу. Не то чтобы Коул был настолько страшным, просто я не могла смотреть в его лицо, украшенное безобразным шрамом, с привычной, свойственной мне, хладнокровностью. Он же смотрел на всех так, будто мы были плебеями в его королевстве, и наши колкости в его сторону – не более, чем базар несчастных холопов.

Помню, как, однажды, попросила Трея привязать мальчишку скотчем к унитазу, что он с удовольствием воплотил в жизнь. Коул был довольно слабеньким – не имел мышцы и не обладал силой, благодаря которой он мог бы потягаться с Треем и его друзьями. Вся его внешность заключалась в бледноватой коже (я слышала, что он почти не выходит из дома); темных отросших волосах, постоянно закрывающих его лицо (и слава Богу); острых скулах, больше напоминавшие мне лезвия, о которые можно порезаться. К этому невзрачному образу добавлялись приличных размеров шрам под губой и постоянно черная, словно у гота, одежда. Хотя, почему «как»? Он действительно больше походил на Омена,

чем на обычного человека.

И это всегда меня завораживало, вызывало какой-то дикий, неподвластный интерес к его уродливой личности. В те минуты, когда он убирал волосы со своего лица и окидывал мир своими безупречно серыми глазами, я замечала, как время останавливалось для нас обоих. Только он не знал, что я могу так думать.

– Привет, Бекка, – хором произнесли все, кто уже присутствовал в классе, кроме Изгоя, конечно. Мэри они проигнорировали, и я заметила, как девушка недовольно поджала губы, но, тем не менее, спокойно уселась за свою парту, ожидая начала урока. Я же хотела сделать то же самое, но тут почувствовала, как мое сердце подскочило до горла, а истошный крик зародился где-то в глубине моей груди.

И я подавила его, продолжая смотреть на существо, которое медленно, но верно, передвигалось по моей парте, шевеля мохнатыми отвратительными лапками. Огромным усилием воли я пыталась унять дрожь в своих пальцах и не заорать на весь класс.

– Кто это сделал? – Мой голос должен был быть наполнен гнева, но он получился писком, которого с роду не существовало в моем арсенале голосов. С задней парты я услышала смешок и обратила свой взгляд на Коула. Все остальные ребята наблюдали за мной и некоторые еще не могли понять, в чем дело.

– Боже, это что, ТАРАНТУЛ? – Малия была первой, кто

разглядела это чудовище, что теперь поселилось на моей парте. — Уберите его кто-нибудь!

Все девочки в классе истошно завизжали, но я подняла руку с раскрытой ладонью, приказывая всем заткнуться.

— Трей, избавься от этого. — Я обратилась к своему парню, если его так можно было назвать. Трей, кажется, сам был не в восторге от этой идеи. — Или ты боишься паучка?

— Бекка, а вдруг он ядовитый? — неуверенно заметил Трей, поморщившись от такой мысли.

Я бросила на него уничтожающий взгляд, и он, стиснув зубы, свернул одну из тетрадей в трубку, чтобы привести мою просьбу в исполнение.

— А тебе смешно? — наконец—то обратилась я в пустоту, убивая остатки своей инсектофобии (*боязнь насекомых*).

— Это точно уродец сделал.

— Ненормальный уже свое семейство в школу тащит.

— Сумасшедший! — доносились тихие шепотки из всех уголков класса. Коул в эту секунду же продолжал сидеть за партой и что-то с энтузиазмом рисовал в своем блокноте, который он всегда носил с собой. Я сделала несколько уверенных шагов в его сторону, параллельно слушая нецензурные выражения Трея, который пытался усмирить паука.

— Что еще за шутки? — парень даже бровью не повел, не обращая на меня никакого внимания. Только ещё больше расплылся в ухмылке, которую пытался скрыть. — Ты хоть знаешь, как поплатишься за это?

– Уже страшно, – вдруг произнес он, и это, наверное, первая фраза, которую я от него слышу за последние шесть месяцев. Обычно он разговаривает только с учителями, постоянно умничая, рассказывая о вещах, которые среднестатистическому школьнику не привиделись бы даже во сне. Грубо говоря, Стоунэм разговаривал на своем языке, либо не разговаривал вовсе.

– Что ты там мямлишь? – Я наклонилась к нему поближе, чтобы не подрывать свой авторитет, и сразу же пожалела о том, что это сделала. Коул резко оторвал взгляд от блокнота и кинул на меня взгляд исподлобья. Мое сердце пропустило удар, когда я увидела, что его обычно серые глаза превращаются в почти черные: дьявольские, темные, неизведанные. Его зрачок расширяется почти на всю радужку, и я смотрю словно в бесконечную бездну, которая захватывает меня и в то же время пугает.

– Ты чертов псих! – ставлю диагноз я, сбрасывая с себя неприятный осадок после его взгляда. Его шрам стоит перед моими глазами, а черные глаза действуют на меня, как опьяняющий гипноз. Я с трудом отвожу взгляд, хватаясь за голову. К горлу подступает тошнота, и я забываю о том, что хотела ему сказать. Чем хотела пригрозить. В голове поселяется пустота, и лишь звон в ушах оповещает меня о том, что я все еще не лишилась слуха. Пошатываясь на каблуках, я направляюсь обратно к своей парте, где меня уже ждет Трей. Его тело просит награды за то, что он, в очередной раз, вы-

полнил мой приказ, и от этого меня тошнит еще больше. Тем не менее, вдруг лишившись всех своих сил, я сажусь к нему на колени, чувствуя, как его губы касаются моей шеи.

– Я заслужил награду, Бекка? – Каждый его поцелуй заставляет меня содрогаться от неприязни. Поэтому, когда в класс заходит преподаватель, я благодарю Всевышнего за то, что он подоспел настолько вовремя. Трей садится к себе, ребята перестают перешептываться, а я начинаю приходить в себя после странного чувства, которое охватило меня, когда Коул заглянул мне в душу.

Весь урок прошел, как в тумане: пару раз мне предлагали воды, но я отказывалась, сохраняя свой привычный надменный вид, и делала вид, что все в порядке. Мысль о том, что еще несколько минут назад по моему стулу бегал отвратительный паук, не прибавляла мне оптимизма.

Но еще больше меня поразило, что Изгой вышел из своей скорлупы, из своей пещеры, и совершил такой яркий жест в мою сторону. Что это – начало войны? Он решил гнобить меня в ответ? Это просто смешно. Ему никогда не выстоять против меня и всей школы, которая, разумеется, будет на моей стороне.

У меня никогда не было друзей. Зато у меня были поданные и прекрасная армия.

– Ты в порядке? – Трей ждал меня после звонка и наблюдал за тем, как я медленно складываю тетрадки в сумку. – У тебя дрожат пальцы – ты все еще боишься? Я же выкинул

его в окно.

– Нет, Трей, – коротко отвечаю я, встав и приобняв его за плечи. – Я просто хочу, чтобы ты кое—что для меня сделал.

– Хорошо. – Он кивнул, облизывая губы. Его руки замерли на моей талии, желая опуститься ниже. – Но только, если ты сделаешь кое—что и для меня. Да, Бекка? Сегодня. То, чего я так долго жду.

Я смеюсь, когда мы направляемся к выходу, и мечтаю, чтоб его руки больше никогда не касались моего тела. Его касания не более приятны, чем прикосновения мохнатого тарантула, который был изгнан с моей парты.

– Если ты сделаешь все, как я хочу, то, возможно, я скажу тебе «да». Сегодня как раз вечеринка у Пирсов. – Я даю ему надежду, а сама уже в красках рисую, как растопчу его своим отказом сегодня вечером.

– Что я должен сделать? – Трей почти жадно высунул язык, как моя собака – Зевс, – и задышал так же часто, как пес, когда просит у меня насыпать ему корма в миску, да побольше. Вообще, Трей был самой авторитетной личностью в школе, после меня, разумеется, и любая девушка отдалась бы ему, не задумываясь. Ну как можно устоять перед восьмидесятью килограммами ходячего тестостерона? Однако, для меня он был лишь главарем моих солдат, но уж никак не парнем, с которым я стремилась проводить каждую секунду своего свободного времени.

– *Уничтожить Коула Стоунэма*, – просто произношу я,

останавливаясь около своего шкафчика.

Трей нахмурился, но я проигнорировала его недовольство. На моем шкафчике как раз была прилеплена одна из листовок, что оповещала о предстоящей вечеринке. Взяв лист в руки, я сжала его в своем кулаке, еще даже не представляя, чем закончиться сегодняшний вечер.

Уничтожен сегодня будет не только Коул. Сегодня, в первую очередь, уничтожат меня.

Глава 1

Ребекка

Я вижу, как кончики моих волос медленно опадают на пол каждый раз после характерного для ножниц звука, и чувствую освобождение. Не знаю, как это объяснить, но всякий раз, когда я подравниваю волосы, мне кажется, что это шанс стать лучше, отпустить со старыми волосами все ненужное, забытое – тот груз, что покоится в моей груди. И, несмотря на то, что я знаю, что он слишком тяжелый для того, чтобы так просто избавиться от него, мне становится немного легче.

– Вам нравится ваш новый образ, мисс Картер? – Мой мастер уже битый час колдует над моим внешним видом, и, кажется, на этот раз ему действительно удалось сотворить чудо. Перекрасить меня из бирюзового в черный, не повредив ни единого волоска, это дорого стоит. Пауль получит прибавку к своей зарплате, да только вот благодарности от меня не дождется.

– Не знаю. Конечно, такую красоту трудно чем-нибудь испортить, но ты способен на большее. – Я недовольно поджимаю губы, оглядывая себя в зеркале. Мои волосы теперь

слегка короче – до середины спины, а не до бедер, как это было ранее, и они волшебного черно-сапфирового цвета. Блеск в них напоминает мне свет звезд в ночном небе, но я лишь скептически приподнимаю бровь, слегка кивая Паулю.

– Ты свободен, – мягко, но довольно холодно произношу я, после чего он кланяется мне и, собирая свой чемодан с расческами и прочим, уходит.

Я смотрю на свое девственно-чистое, без косметики, лицо, и понимаю, что редко могу позволить себе это. Мама не одобрила бы, что я появляюсь на публике без штукатурки, и, тяжело вздохнув, я принимаюсь накладывать макияж, который прибавит мне минимум пять лет.

– Ребекка, ты готова? – Только один человек может входить в мою комнату без стука, и это она – Элина Картер. Я могла бы называть её своей мамой, но женщина считала, что это слово ее старит, и была в какой-то степени права: Элина выглядела лет на тридцать, благодаря регулярному посещению салона красоты и инъекциям ботекса.

– Элина, – это слово звучит так ужасно, так неестественно, что мне кажется, будто я являюсь плохой актрисой Мексиканского сериала. – Да. Всего одна съемка?

– Конечно. Но, для начала, я должна тебя измерить, – она достает из своей сумочки сантиметр, взглядом приказывая мне встать. Борясь с чувством унижения, я делаю то, что велит мама, и улыбаюсь в то время, как она измеряет размер моей талии, бедер и груди.

Элина была эффектной блондинкой, которая всегда выглядела безупречно. Дорогой парфюм в сочетании с одеждой от Кутюр и брильянтами в ушах и на шее вряд ли можно было бы назвать чем-то необычным для района, в котором мы жили. И все же она выделялась среди других грацией, величием и властью, которую получила благодаря папиным деньгам. Мама состояла в тайном женском клубе и грезилась, чтобы когда—нибудь её дело продолжила и я, да только мне их женские сплетни и собрания были не особо интересны. Больше общества я ненавидела только женское общество, в котором все друг другу улыбаются, а на самом деле только ждут удобного момента, чтобы воткнуть тебе в спину остренький нож.

– Ребекка, ты поправилась, – Элина нахмурилась, убирая от меня руки вместе с сантиметром. В её светло-карих глазах заплескали недобрые огоньки, по которым я поняла, что мама находилась на грани истерики. – Шестьдесят один сантиметр! Ты недостаточно хороша. Если фотографии будут неудачными, тебе снова придется сесть на строжайшую диету.

– Да, Элина, – пока она отворачивается и направляется к двери, я сжимаю свои руки в кулаки, пытаюсь бороться с несправедливостью, зародившейся в моей душе.

Ты недостаточно хороша.

Проще пересчитать песчинки на Калифорнийском побережье, чем посчитать количество раз, когда я слышала эту

фразу из ее уст.

Я всегда находилась под жестоким давлением матери и отца, и им всегда было важно, что же подумает общество о нашей семье, в которой не было места тайнам. Кайлу проще – до недавнего времени он был спортсменом, и вся семья гордилась им, включая деда, который был основателем нашей Империи. Каждый семейный ужин или званый вечер, устраиваемый моими родителями, был для меня настоящей пыткой, на которой я была «товаром», «вложением в бизнес», «продолжением своих родителей», но не собой. С детства меня таскали по модельным агентствам и рекламным студиям, по кастингам, в которых я должна была проявлять себя. Иногда, будучи маленькой, я покорно соглашалась на этот кошмар, а иногда закатывала небольшие сцены бунтарства и протеста, после которых родители могли неделями со мной не разговаривать и делать вид, что не замечают меня.

Собственно говоря, так оно и было: Кайл был вечно поглощен тренировками, мама – собраниями своего клуба, а папа – карьерой на Телевидении, и его популярность возрастала не по дням, а по часам, как и наш семейный бюджет.

Я даже покрасила волосы в бирюзовый цвет, чтобы как-то насолить всей своей ненормальной семейке, но мой ход конем сыграл против меня – уже через месяц после того, как я это сделала, стала замечать все больше и больше девушек с идентичным цветом прядей, старавшихся подражать мне.

Я довольно ухмыльнулась своему отражению в зеркале,

вдруг вспомнив реакцию родителей на татуировки, которые я набила на своем теле. Сначала я хотела, чтобы это было моим маленьким секретом, но от зоркого взгляда Элины было трудно что—либо утаить.

Мою радость прерывает звук только что пришедшего сообщения. И мне не трудно догадаться, от кого оно:

«Ребекка, фотограф не будет нас ждать».

Конечно, ведь твои время и интересы куда ценнее моих собственных, Элина. Я уже и забыла, когда в последний раз кто-то спрашивал, как у меня дела, как я спала сегодня ночью, и прочие заботливые фразы, которые люди иногда бросают друг другу.

Годы, проведенные в одиночестве, научили меня относиться к этому спокойно: чаще всего люди интересуются друг другом, чтобы поговорить о себе любимых. Ну а мне рассказывать о себе совершенно не хотелось.

Я услышала тихий лай и мягкое рычание, доносившиеся по другую сторону двери моей спальни. Взяв одну из своих сумочек, я в последний раз окинула себя придирчивым взглядом в зеркале и вышла из комнаты, попав в длинный коридор второго этажа, который больше напоминал мне музей из-за огромного количества различных атрибутов средневековья: картины самых знаменитых художников мира в позолоченных рамах; дубовые столешницы, украшенные фрезиями; и подсвечники, которые почти никогда не зажигали. Дедушка создавал этот дом сам, и я определен-

но не могла сказать, что наши с ним вкусы и взгляды на дизайн интерьера совпадают.

– Зевс, моя радость. Ты потерял меня? – Мой пес был единственным существом, которого я по-настоящему любила. Только он видел меня такой – ласковой, заботливой и нежной, потому что я не могла устоять перед его темными глазками, когда он просил меня поиграть с ним или просто побыть рядом. У него была своя комната, но я частенько брала его в свою и даже позволяла ему спать на моей кровати. Наверное, моя жизнь очень странная штука, потому что Зевс был единственным созданием мужского пола, с которым я могла спать в одной постели и просыпаться вместе.

Я погладила его по спине, наслаждаясь мягкостью черной шерсти песика. Порода Кане—Корсо считается одной из самых дорогих пород в мире, но я знала, что мой Зевс бесценен.

Пес высунул язык и сел на задние лапы, наслаждаясь моими прикосновениями.

– Мне пора идти, малыш, – произнесла я, оглядевшись по сторонам в надежде, что никто не слышал моих слов. Конечно, все догадывались, что я люблю свою собаку, но не хотелось, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии: приступ любви и нежности к живому существу.

Попрощавшись с ним, я направилась к выходу из дома, который проще было бы назвать семейным особняком, и приготовилась выслушивать недовольства Элины на протяже-

нии всего пути в фотостудию.

– Бекка, почему ты вечно не можешь сделать ничего вовремя?! – Мама встретила меня возмущением, но я только закатила глаза, усаживаясь в кожаном салоне Mercedes'a.

– Хватит говорить мне, что делать, – грублю я, утыкаясь в телефон. Сегодня же я вернусь в общежитие университета, лишь бы не слышать этих вечных упреков в свой адрес.

– На следующей неделе только овощи. Твоя талия увеличилась на три сантиметра с последней проверки! Не понимаю, как это могло произойти.

Ну, подумаешь, Элин. Я просто перестала употреблять мет с тех пор, как Кайл провел в больнице несколько недель после передозировки допингом. А так... Ничего особенного.

– Хватит, пожалуйста. – Я стараюсь отвечать ей сдержанно и спокойно, потому что знаю, что только таким способом можно разрешить наши проблемы.

Моих родителей всегда волновало только то, что подумают другие. Как я и Кайл будем выглядеть в глазах соседней. Как мы будем вести себя на людях, как мы будем преподносить себя обществу. Мы должны были быть звездами, которые сияют на их личном небосклоне, и наградами в их жизни.

Только почему-то они совершенно забывали о том, что у нас могут быть свои мечты.

Помню, как в детстве я не чувствовала себя красивой, потому что никто никогда не говорил мне об этом. По правде

говоря, я выглядела как гадкий утенок с этой вечной россыпью мелких веснушек на переносице, бледной кожей и тоненькими губами. Лет до двенадцати у меня было немного лишнего веса, про который Элина не переставала мне напоминать. Так началась моя борьба с весом, а потом и с булимией, о которой вообще не знал никто, кроме пары девчонок из моей свиты.

Постепенно я «сделала» себя сама, увеличив губы и избавившись от веснушек, которые мне никогда не нравились. Я должна была соответствовать своему статусу и положению в обществе и вскоре заработала авторитет в школе, институте и везде, где я только бы не появлялась.

По правде говоря, люди просто боялись меня. Боялись моих связей, власти, да и просто скверного характера в сочетании с острым языком. А я продолжала самоутверждаться за счет других, набирая себе команду «приближенных», чтобы было хотя бы с кем коротать вечера, полные одиночества.

В моей жизни был момент, когда я хотела измениться. У меня были все шансы стать нормальной девушкой, но я упустила и его, оставив на своей судьбе мерзкий грязный отпечаток. Всего одно маленькое воспоминание, которое преследует меня во сне и наяву и не дает двигаться дальше.

С каждым днем я чувствовала себя хуже и хуже, понимая, что мне уже никогда не стать лучше. В истории моей жизни «красавица и чудовище» я была чудовищем и прекрасно понимала это. Поэтому я устраивала всевозможные гадости

всем, кто вставал у меня на пути. Взять хотя бы историю, которую произошла осенью: я подсыпала Эмили наркоту в тот несчастный стакан с пуншем, а все потому, что меня бесила ее доброта... Я терпеть не могла, что она так невинна, мила, и что Макс Кенинг влюбляется в нее прямо на моих глазах. В то время как он был единственным парнем, который мог пробудить во мне хотя бы какие-то чувства.

Он был единственным парнем, который не стремился за- тащить меня в постель, и я ему была абсолютно неинтересна. В то время как вокруг меня вечно ошивались слабые духом неудачники, я хотела испытать хоть толику огня в своем сердце, но все было тщетно.

И Эмили Бломен тогда разрушила мои цели по поводу Макса в пух и прах, но сейчас я понимала, что это к лучшему. Эта пара действительно смотрелась гармонично, и я была, в какой-то мере, счастлива за них, хоть, иногда, меня раздражал их вечно окрылено—влюбленный вид.

Так и хотелось подойти к обоим и хорошенько встряхнуть. Но этим двоим было плевать на весь мир, потому что они состояли в секте под названием «любовь». Тайная секта нашей несправедливой вселенной, где таким ничтожествам, как я, не находилось места.

Конечно, у меня были парни, но, честно говоря, мне порядком надоело перебегать от одного к другому, постоянно имитируя удовольствие и оргазм. С каждым разом секс превращался все в более мучительную пытку, причем в са-

мом скучном смысле этого слова. Парни так старались понравиться мне и стремились проявить себя, что во время процесса, лично мне, хотелось спать, но я из кожи вон лезла, чтобы даже в этом деле быть лучше.

Ведь я до сих пор недостаточно хороша.

Элина что-то еще говорила мне всю дорогу и даже не заметила, как я спрятала наушники за своими волосами и погрузилась в прослушивание *Three Days Grace – Unbreakable Heart*.

Коул

Она здесь.

Я чувствую в себе небывалые силы, когда думаю о том, что будет, когда Ребекка Картер снова заметит меня. И на этот раз ей придется пожалеть о том, что она когда-то вообще связалась со мной.

Братство «Каппа Зетта Дельта» подвернулось на моем пути совершенно случайно – не сказать, что я очень стремился туда попасть, но, поскольку моя семья была напрямую связана с этим братством, я знал, что мне необходимо вступить в него и более того – стать его Президентом.

Все так удачно сложилось в тот момент, когда предыдущий Президент общества совершил ошибку на одной из вечеринок – кажется, он пытался изнасиловать девчонку на глазах у всех, что привело к непоправимым последствиям:

теперь некоторые органы власти начали догадываться о делах, что творятся в тайном сообществе, а такие ошибки были недопустимы.

Да, чтобы попасть в братство, нужно пройти отбор, посвящение и прочую чепуху, но для меня этот шаг можно считать пройденным, так как фамилия «Стоунэм» (моя фамилия) в этих стенах – не пустой звук.

Склонив голову, я смотрю на застекленную витрину, через призму которой я вижу награды, медали и фотографии членов братства. И я прекрасно узнаю одного из них, что стоит во главе всей грязной банды, возвышаясь над остальными – мой отец.

Зачем же люди так стремятся попасть в братство, несмотря на все ужасные вещи, что здесь творятся?

Тайные круги, которые заведомо являются сборищами не для слабонервных. И, разумеется, не для *таких, как все*.

Братство давало возможности – 18 из 44 Президентов США являлись когда-то членами братства, не говоря уже о многочисленных конгрессменах, которые вылетали отсюда, как на конвейере. Каждый член братства обладал несметными богатствами и связями, в сочетании со смелостью, дерзостью и волей, которые были просто необходимы для выживания здесь.

Братьям доставались лучшие девочки.

Самые «чистые» наркотики.

Прекрасная помощь и поддержка во всех начинаниях; лю-

бые двери и дороги были раскрыты перед выпускниками братства.

Меня это все мало интересовало, потому что я и так держал в своих руках весь мир еще тогда, когда был невидимкой в школе. Или как они меня называли? Изгоем.

Что ж, мы посмотрим, кто из нас Изгой теперь, ребятаки.

– Коул, – обратился ко мне один из братьев, отрывая меня от размышлений. Несколько представителей главного Совета нашего общества стояли сейчас как раз за моей спиной и принимали свое непростое решение.

– Да, – сухо ответил я, медленно разворачиваясь к ним лицом. Я осмотрел их всех, слегка задерживая взгляд на каждом, стараясь внушить им своим взглядом то, что мог сделать только я.

– Ты же знаешь, что тебе нужно удивить нас чем-то очень интересным, чтобы завоевать наше доверие. И доказать то, что ты один из нас. – Александр (так звали брата, что произнес эту фразу) являлся правой рукой предыдущего президента и, конечно же, был весьма недоволен тем, что я заявил свои права на трон. Тем не менее, его вполне устраивала роль шестерки короля, если он позволил мне заявиться на порог их обители. Конечно, они не могли не впустить меня, благодаря заслугам моей семьи, и все же он довольно быстро сдал свои позиции.

– Чем, например? Что у вас тут делают: прыгают с Острого Утеса? Бегают голыми по кампусу и распевают обрядные

песни? – На моих губах появилась дерзкая ухмылка, и прищурил глаза, продолжая наблюдать за их реакцией.

– Это было бы довольно просто. Это всего лишь физические действия, на которые, как мы догадываемся, ты способен, – сказал другой член братства – Тристан – светловолосый парень с зализанной укладкой. – Ты должен доказать нам, что обладаешь психологической силой. Что ты не сломаешься среди нас в самый ответственный момент. После того случая с изнасилованием девушки целая стая копов обыскала наш дом, и, только благодаря Александру, нам удалось сгладить конфликт. Ещё чуть-чуть, и не стояли бы сейчас здесь и не вели светские беседы.

– И какого рода задание вы хотите мне дать?

Психологическое давление? Легко. Они еще даже не догадываются, кто я такой.

– А вот этим и удиви нас, – продолжил Тристан, переглянувшись с другими братьями. – Скажем, заставь девушек из соседнего сестринства обнажиться перед нами. – Он издал глухой смешок, что навело меня на прекрасную мысль, как воплотить сразу два своих желания в реальность.

– Зачем же метить так низко? – медленно произнес я, растягивая слова. – Как насчет самой влиятельной девушки колледжа – Ребекки Картер?

Между ними прошелся глухой шепот, кто-то недоверчиво поджал губы, и я ждал дебатов, которые начнутся после моего нескромного заявления.

– Да ты с огнем играешь, – высказался кто-то из толпы, на что я только приподнял свой подбородок вверх, придавая себе больше высокомерности.

– Хорошо, давайте сделаем так: я приготовлю вам сюрприз, примерно... Через неделю. Надеюсь, он вам понравится, и мы вернемся к этому вопросу.

– Но... Что же ты хочешь сделать с Беккой? Ты хоть знаешь, кто ее отец? – Александр уставился на меня так, будто разговаривал с непослушным мальчишкой, что мне категорически не понравилось.

– А ты знаешь, кто мой отец? – вопросом на вопрос ответил я, поглядывая на него сверху вниз. Он нервно сглотнул, продолжая спор:

– Кем он был – знаю. Но теперь он пропал, и его никто не видел много лет.

– Но я же здесь. – Ухмылка на моем лице исчезла, когда я вспомнил о своем отце. К сожалению, я прекрасно знал, где он находился, но у меня не было никакого желания вспоминать об этом. Это знание как шрам, как отметина на моем лице – никогда не даст мне покоя.

Это то, из-за чего я являюсь таким, какой я есть.

Это то, из-за чего мою грудь разрывают демоны, разрушая остатки моей падшей души.

Глава 2

Ребекка

Всего пара часов в обществе Элины окончательно выбили меня из колеи на весь оставшийся день. Не спорю, иногда мне нравилось позировать перед вспышками фотокамер, участвовать в показах, когда меня приглашали, но все это удовольствие перекрывалось вечным недовольством моей матери.

– Бекка, что с твоим лицом? – постоянно причитала она, время от времени взмахивая руками. – Втяни живот! Ужас, фотографии просто отвратительные.

Не удивлюсь, если они, и правда, будут ужасными. Я не могу сосредоточиться, когда кто-то наблюдает за мной, и я бы давно усмирила Элину, да вот только родители были единственными людьми в мире, с которыми предпочитала не вступать в конфликт. Опять же не считая тех редких концертов, которые я закатывала – в конечном счете, практика показала, что ни к чему хорошему они не приводят.

Кто бы мог подумать, что Ребекка Картер может быть такой. Наверное, если бы мое общение с мамой заснули на видео и выложили в YouTube, я бы навсегда потеряла статус и авторитет в колледже. Но я не могла сопротивляться им.

Все, чего действительно хотелось – это быть идеальной для своих родителей.

В глубине своей никчемной души я мечтала только об одном – чтобы они по-настоящему гордились мной, чтобы они были счастливы, что именно я, а никто другой – их дочь.

Но я знала, что этому не бывать, но все же продолжала, порою, так отчаянно стремиться к этой улетающей мечте, как к отправленной в космос ракете.

Когда я закончила с фотографом, который был явно мной доволен, ушла переодеваться, обещая себе, что сегодня же вернусь в кампус общежития, несмотря на то, что сейчас лето. Сил моих больше нет терпеть этот кошмар.

– Сегодня, конечно, было не так плохо, как в прошлый раз. Пару фото вышли не плохими. – Элина вынесла мне свой приговор, поправляя свою летнюю шляпку, которую носила даже в помещении. Я отвернулась от нее, желая показать, что не намерена продолжать этот бессмысленный диалог. – Но ты недостаточно хороша.

Эти слова прозвучали для меня, как пощечина, но я молча проглотила ее, подставив под побои другую щеку. Мой характер был настолько омерзителен мне, что я не понимала, в каком образе выгляжу хуже – в виде бессердечной стервы или же в амплу бесхребетной тряпки, которая не может идти наперекор своей семье?

– Бекс, отлично поработали. Ты очень сексуальна с этим цветом волос. – Фотограф подошел ко мне, когда мама уже

удалилась из студии, и я взглянула на Джареда, высокомерно приподняв бровь.

– Как и с предыдущим. – Я влезла в свой белый пуловер, проследив за тем, как его взгляд скользил по моему телу в одном нижнем белье, и пощелкала пальцами перед его глазами. – Ты что-то еще хотел?

– Я... Хотел, – начал мямлить он, теребя в руках свой ремень от фотоаппарата. На вид Джареду было около тридцати лет, но сейчас он вел себя как мальчишка переходного возраста. Вот—вот и его голос сломается. Это не могло не улыбнуть меня, и я сжалась над беднягой.

Передо мной мало кто может устоять.

– Хотел предложить тебе съемку... – продолжил он, но я уже его не слушала, прекрасно понимая, какую съемку он имеет в виду. Мальчику было невдомек, что я не раздеваюсь полностью даже перед своими сексуальными партнерами, чего уж там говорить о фотосессии. Но его мольба в голосе звучит для меня, как шоколад, который ласкает мои уши.

– Как—нибудь, когда—нибудь, – бросаю я и, даже не посмотрев в его сторону, направляюсь к выходу. По правде говоря, это не первая попытка Джареда соблазнить меня, и я, в общем—то, не против переспать с ним – он довольно симпатичный парень. Да только вот, как увижу его жалобные глазки и услышу эту мольбу в голосе, становиться противно. Сразу представляется секс в нелепой миссионерской позе, три секунды, и фраза "я уже все" в конце. Ох. Скука.

– Сегодня же я уеду в кампус, и это не обсуждается. – Слегка на взводе я сажусь в мамину машину и ловлю на себе ее недовольный взгляд.

– Нет, ну вы ее послушайте. – Мама смотрит в потолок Мерседеса так, будто на нем располагались Боги. – Стараешься и делаешь ради нее все, а она поступает со мной, как... Ты забыла, что скоро в моем клубе будет очень важное мероприятие? Дочери соучредителей должны знать друг друга. Вы же будущее нашего сообщества.

– Элин!.. – На моем языке вертится отборный мат, но я сжимаю зубы и, поглядев на маму, нацепляю на себя сладкую улыбку. – Я приду на этот "прекрасный" вечер. Но это не помешает мне сегодня же вернуться в здание колледжа.

– Неблагодарная, – продолжает недовольно шептать Элина, вставляя ключ в зажигание автомобиля. Я действую по прежней схеме – вставляю наушники в уши и складываю ноги перед собой прямо на приборную панель. Мне плевать, что на это скажет мама. Мои мысли заняты только тем, как я перевезу Зевса с собой.

По крайней мере, на сегодняшний вечер у меня было запланировано мероприятие, которое отвлечет меня от упреков мамы и скрасит вечер, полный одиночества. Мне, как президенту студенческого совета, и другим малочисленным девушкам сегодня предстояло быть на открытой вечеринке в братстве «Каппа Зетта Дельта», и я была совсем не против

того, чтобы полюбоваться на мальчиков в белых рубашках, которые плотно сидели на их торсе.

Через два часа, полностью собрав необходимые вещи, я выбиралась из дома, стараясь не попасться никому на глаза. К счастью, Элина была в солярии, а Кайл был чем-то явно занят в своей комнате. С тех пор, как у него появилась новая девушка, я забыла об обществе с братом: вообще-то мы были из тех родственников, которые являлись полными противоположностями друг друга. Но, несмотря на это, у меня были теплые чувства к Кайлу. Осенью, когда он попал в реанимацию из-за передозировки допингом, я не на шутку испугалась за него.

И в глубине души я понимала, что именно так напугало меня.

Я даже сама перестала баловаться наркотиками, не желая вернуться к тому, что случилось в моем прошлом. Я не хотела еще раз почувствовать это.

Я не хотела быть этим человеком.

Но я была именно такой.

Деградирующей. Пустой. Марионеткой, живущей по чужим правилам. Потерянной девочкой, которая никогда не испытывала любви, чье сердце уже давно больше напоминало острый галечный булыжник, а не самую главную мышцу организма.

Внезапно я пожалела, что не могу быть змеей (а именно это животное было изображено на одном из моих скрытых

участков тела), которая может сменить свою кожу в любой момент, так сказать, смыть себя все грехи, что она набрала за время, которое провела в старом облиии.

Я была змеей в облиии человека. Но, на самом деле, я до ужаса их боялась и не собиралась встречаться со своим прототипом в теле животного.

Когда я вошла на территорию кампуса, почувствовала жуткое облегчение и свободу, которая накрыла меня с головой. Даже привычно раздражающие скопы студентов не бесили меня, а стайки злобно посматривающих на меня девчонок только радовали.

Всем полагалось жить парами, но я могла себе позволить отдельную комнату, которую сама обставила так, как и хотела: мои апартаменты были полностью белыми, за исключением бирюзового постельного белья и подушки на кровати, окрашенной в белый. Туалетный столик, кровать больших размеров – только для меня, – и два больших шкафа, чтобы умещали все мои аппетиты в плане одежды. Я любила всем нравиться и красиво одеваться.

В нашем мире, к сожалению, никто не оценит твою душу, и лишь наивные дурочки все еще мечтают, что тот самый принц полюбит их лохмотья с первого взгляда.

И будут жить они долго и счастливо... Пока девушка по-ишкарнее и увереннее не разлучит их.

– Картер, ты прекрасна. – Я посмотрела на себя в зеркало, поправив роскошные черные волосы. – А они – лишь тени.

Я распахнула одну из самых верхних тумбочек и приоткрыла копилку, еле борясь с внутренним желанием. Слегка повертев пакетик с коксом между своих наманикюренных пальчиков, засунула его назад и резко захлопнула ящик, пытаясь усмирить свое дыхание.

Нет, никаких наркотиков. Я должна справиться с этим. Это не самый лучший способ еще раз доказать себе, что я не одинока.

Я не должна уходить от реальности. Только не таким способом.

Коул

Я мог бы с легкостью заявить, что абсолютно ничего не боюсь. Но, пока на земле существует такое место, как то, где я сейчас нахожусь, я смело могу убрать эту мысль из своей головы.

Лишь эти зловещие коридоры могут тронуть мою душу, вырывая на свободу ужас, который я все же тщательно умею скрывать.

Психиатрическая больница в пригороде Лос-анджелеса, которую я посещал около двух раз в месяц, сегодня выглядит почти дружелюбной, но я—то знал, что скрывается за этими розами, украшавшими ее внешний фасад.

Шипы.

— Мистер Стоунэм, пройдемте. Он недавно принял успо-

коительное, а в последний раз, когда я заходила, спал. – Милостивая девушка – местная медсестра – потянулась к своему пучку на затылке, как только увидела, как я ворвался в двери лечебницы. Она хотела распустить прическу, но в последний момент передумала и сделала вид, что просто провела рукой по светлым волосам.

– У меня мало времени. Инцидентов не будет? – Я старался сделать так, чтобы мои слова прозвучали, как можно, более безучастно.

– Я не могу вам ничего обещать. Сами понимаете – случай тяжелый. – Она посмотрела на меня с грустью в глазах, но мне не было никого дела до ее сочувствия.

– Мне можно остаться с ним наедине?

– Не думаю, что это хорошая идея, – мягко попросила она, но я оглядел ее долгим взглядом и заметил, как она дернула плечами, не в силах противостоять мне.

– Сейчас он в первом или втором...? Образе, – поясняя я, задав вопрос, который на первый взгляд кажется нелепым. Но девушка была в курсе дела и, достав ключ, отперла дверь с изображением нумерации.

– Я оставляю вас, но лишь на несколько минут, – прошептала она, не желая задерживаться в этой комнате. – Он сейчас в более спокойном состоянии из двух. Но сами понимаете...

– Понимаю, – отрезал, и она неторопливо закрыла дверь, а я повернулся лицом к человеку, который сидел за столом и

что-то увлеченно писал, словно был отчаянным писателем, ухватившимся за свою музу.

Если бы.

– Девять лет, пять месяцев, три часа... – шептал он и писал в своей тетради какие-то формулы, время от времени производя какие-то расчеты на своем калькуляторе.

За столом сидел мужчина, одетый в белую рубашку, как и у всех в этой больнице. Он оброс бородой и волосами, которые теперь заплетал в хвост, и все же каждый, кто бы посмотрел на него в первый раз, мог бы с уверенностью предположить, что в молодости это был вполне себе красивый мужчина.

Мы были с ним очень похожи. И я меньше всего на свете хотел, чтобы это было правдой.

– Девять лет, пять месяцев, три часа... – Снова и снова он повторял эти слова и даже не обращал внимания на то, что я стаю совсем рядом и пришел к нему в который раз в надежде разобраться с этим. В надежде, что он пойдет на поправку.

Мы пойдем.

– Я здесь. – Мой голос принадлежал Коулу, которого я давно подавил в себе. Но в этой комнате я не имел возраста. Я всего лишь был сыном своего отца.

– Девять лет, пять месяцев, три часа... – Он отвлекся от своих бумаг, когда услышал мой зов и осмотрел меня безучастным взглядом. Такой взгляд может быть только у человека, который мыслями находится где-то на другой планете.

И это, почти, правда.

– Доктор, не отвлекайте меня. Согласно моим подсчетам, мы уже скоро прибудем в пункт назначения. Всего лишь... – Он снова уставился в свои бумаги, но меня выбесило то, что он принял меня за доктора, а не за собственного сына. Я понимал, что не имею права злиться, не имею права ненавидеть... Но я ненавидел!

– Девять лет, пять месяцев, и три гребанных часа! Ты повторяешь это из года в год, и срок не уменьшается. – Я почти сорвался на крик, но вовремя остановил свой словесный полет. Уже в следующую секунду, когда он вновь поднял на меня свой взгляд, я заледенел.

Его серые глаза потемнели и приняли цвет надвигающегося торнадо.

– Ничтожество, убирайся! Убирайся! – взревел он, схватившись за голову. Вдруг мужчина завыл и кинулся в мою сторону, представляя, что его пальцы были когтями, а зубы клыками. По крайней мере, со стороны он больше походил на дикого зверя, чем на безобидного человека.

Успев отреагировать мгновенно, я оказался по ту сторону двери и захлопнул дверь перед его носом, прислонившись к ней. Набрав в легкие побольше воздуха, хотел было заткнуть уши, чтобы не слышать душераздирающих криков, которые доносились из комнаты.

Мне было страшно не из-за этих криков. Мне было страшно из-за того, что в его глазах я видел свое отражение.

– Я предупреждала вас, мистер Стоунэм, – почти с нежностью пропела светловолосая медсестра, поворачивая ключ в замке. – Я вызвала людей. Они дадут ему успокоительное.

– И часто это происходит? – спросил я, стараясь сохранять хладнокровное лицо. Девушка же всю улыбалась мне, и я прекрасно знал почему.

Несмотря на все свои недостатки, я ее завораживал. Я чувствовал это всеми фибрами своей души, если таковая у меня еще имелась. Как чудовище, которое манит красавицу. Как красное яблоко, наполненное ядом, которое так и хочется откусить. Я прекрасно знал, о чем она думает в этот самый момент – слишком легко умел читать по взгляду, особенно по такому незаурядному, как у этой миленькой серой мышки.

– Обычно – изредка, – пояснила она, проводив меня по коридору. – Чаще всего, когда приходите вы. Я думаю, в следующий раз вам стоит держать себя в руках, мистер Стоунэм.

Я прищурил глаза, дав ей понять, что она сморозила глупость.

– Простите. – Она сложила бровки домиком, извиняясь. – Я не это хотела сказать.

– Разумеется. – Я подарил ей на прощание подобие улыбки и, поправив свой галстук, направился к выходу из больницы.

Я должен быть сильнее этого. И я буду.

Глава 3

Флешбэк (то, что происходило в прошлом)

Коул

Я не хочу ехать в клинику, где надо мной опять будут проводить очередные тесты. Эти недоумки не понимают, что со мной все в порядке? А если это не так, то я не хочу об этом знать.

Я прислонился к одному из школьных шкафчиков и посмотрел на свои ладони. Они дрожали. В любую секунду я могу *измениться*.

Изгой, неудачник, урод.

Они действительно думают, что могут обидеть меня этими словами? Думают, что меня задевают их нелепые издевки и выбросы в мой адрес. Каждое слово, которое они произносили, было для меня не более, чем мнением безвольного стада.

Они вешают на меня ярлыки, навязывают стереотипы и думают, что я буду жить по их правилам.

Но это не так. В моем мире время протекает лишь по мо-

им законам. А все остальное – лишь мишура, маятники, которые будут сбивать меня с пути каждый раз, когда я буду вставать на путь к своей цели.

– Урод. – Чья-то сильная ладонь резко вжалась в мой висок и прижала мою голову к шкафчику. К сожалению, я не мог похвастаться физической силой, и это было действительно моим минусом, учитывая, что на меня, кажется, снова напали пятеро человек.

– Думаешь, это шутки? – прохрипел Трей, снова ударяя меня об железную дверцу шкафчика. Еще чуть-чуть и в моих ушах проснется звон. Я пожалел, что паук оказался не ядовитым.

– Ты о чем? – Я хотел совершить на него ответное нападение, несмотря на то, что это было просто смешно. Этот верзила был товарным поездом, которым верховодила Ребекка.

Она использовала всех людей вокруг себя. Заставляла их крутиться, словно пчел вокруг меда.

Да только для меня Ребекка не была медом – она была грязью.

Две цепкие руки обхватили мои запястья, а Трей вдарил мне между ребер до оупляющей неимоверной боли. Ну, ничего, бывало и хуже. Вспомнить хотя бы, откуда мне достались мои шрамы.

Но они все поплатятся за это. Рано или поздно. Никто не останется безнаказанным, и таков был этот непреложный закон.

– А ты – ее коврик для ног? – Я обратился к Трею, метнув на него свой взгляд, в котором не было ни капли унижения. – О чем она попросила тебя на этот раз?

– Еще хочешь получить, да? – рычал он, надвигаясь ко мне ближе. – Тебе мало?!

Я молчу и просто смотрю ему в глаза, не моргая. Вижу, как он отводит взгляд, не желая подаваться моему влиянию, и трясет головой, как ошпаренный. Мгновение спустя он заезжает мне стальным кулаком по челюсти, а потом добивает ещё одним ударом по голове, и боль отпускает меня, потому что я погружаюсь во тьму, еще не зная, что очнусь в совершенно другом месте.

Наши дни

Ребекка

Я проехала до здания Братства на такси, несмотря на то, что оно было совсем недалеко от кампусов колледжа – мои каблуки не вынесут прогулки даже по идеальным дорогам Лос-Анджелеса.

Водитель открыл передо мной дверь, и я протянула ему сто долларов, но он, кажется, даже не заметил моих щедрых чаевых, во всю глаза на меня и мою грудь.

Я считала, что не стоит скрывать своих достоинств, коли

природа наградила такими прекрасными данными. Конечно, по Колледжу ходили слухи, что я вся искусственная, но я предпочитала пропускать комментарии завистников мимо ушей.

На мне было облегающее платье из черного кружева на тонких бретельках, перчатки в тон, а волосы я заплела в пучок на затылке, чтобы не отвлекали внимания от моего декольте. Мне было необходимо найти себе достойную жертву, потому что я, как никогда, нуждалась в физической разрядке.

Уже несколько месяцев, меня тошнило от каждого мужчины, которой вставал на моем пути. Конечно, такое бывало и раньше, но сейчас это недоразумение приняло острую форму.

Братство «Каппа Зетта Дельта» давно перестало быть просто студенческим братством – мало кто знал, но это была настоящая мафия со своими законами, тайнами и грязными делишками. Конечно, для такой девушки, как я, двери всегда открыты – на вечеринки братства были отобраны только самые шикарные красавицы. Различие между мной и остальными было лишь в том, что когда они заходят в особняк, мечтают заполучить одного из этих богатеньких ослов. Но когда захожу я, каждый из этих ослов мечтает заполучить меня.

Особняк братства был окружен зеленым садом с пролегающей дорожкой до входной двери. Я слышала звук искус-

ственных фонтанчиков, что разбавляли угнетающую и темную атмосферу здания. Большие греческие буквы возвышались над колоннами, а сам особняк больше напоминал мне логово чудовищ, чем обитель обычных студентов.

Конечно, они далеко не все были *обычными*.

– Мисс Картер. – Как только мои Лабутены ступили на мраморные полы холла, ко мне подбежал официант с подносом и жестом предложил взять бокал розового вина. – Добро пожаловать.

– Ага. – Я небрежно поджала губы, игнорируя его приторную вежливость, и, схватив бокал, прошла в зал, где тут же почувствовала на себе несколько пар любопытных глаз.

– Бекка. – Один из «братьев», чье имя я даже не помнила, тут же положил руку мне на талию, собрав около нас несколько своих друзей. Я смирив его ладонь на своем теле недовольным взглядом и отпила из бокала розового вина, восхитительного на вкус.

Эти парни знали толк в алкоголе. И не только.

– Будешь с нами сегодня веселиться? – Я понимала, что речь идет о наркотиках, но слегка дернула головой, демонстрируя отрицательный ответ.

– Мм... Знаешь... – Я лихорадочно пыталась вспомнить имя парня, который был обладателем этих лукавых изумрудных глаз. Он был весьма неплох собой, и я решила внести его в список вариантов, которые могли бы мне подойти. – Прости, как тебя зовут?

Остальные парни, что плотной стайкой окружили меня, подавили свои смешки, а девочки, что стояли почти в гордом одиночестве, кинули на меня уничтожающие взгляды. Их здесь было совсем немного – даже обидно, что у меня опять не оказалось достойных конкуренток.

– Гидеон, – отозвался парень, поправляя свои прилизанные русые волосы, явно рассчитывая на то, что обилие лака для волос его красит.

Вдруг классическая музыка, которая играла в зале до этого, сменилась на более популярную – Ди-Джей вышел на импровизированную сцену в центре зала и начал болтать без устали, пытаясь зажечь толпу.

– Сегодня у меня и так хорошее настроение. – Про себя я отметила, что его имя очень подходило к его внешности. – Так что я, пожалуй, сегодня обойдусь шампанским.

– Убери от нее руки. – Вдруг в разговор встрял еще один парень, который до этого молчал. По его взгляду я поняла, что у него были большие планы на меня сегодня, а Гидеон пытался их разрушить. Пока парни переговаривались любезностями между собой, я посмотрела в потолок, под которым висела большая хрустальная люстра, наверняка стоявшая немалых денег. Впрочем, как и вся мебель в этом здании. Я бы не хотела оказаться здесь ночью в полном одиночестве – от каждого предмета мебели, что находился здесь, веяло стариной и какой-то зловещей таинственностью.

Братству же было много лет, и кто знает, чем они тут за-

нимались. Мало того, что эти ребята устраивали жесткие отборы в свою секту, так еще и отмывали деньги всеми возможными, но не законными способами.

Хрустальные капельки люстры дрожали от сотрясающей дом музыки. Мой взгляд пробежался дальше – по белокаменной лестнице, которая вела в глубины второго этажа. Вдруг на балконе я увидела очень странную картину: сначала заметила группу девушек, а затем и спину парня, который был окружен ими. В моем сердце вспыхнули ревность и небывалый интерес к нему, несмотря на то, что я даже не видела лица молодого человека. Я могла судить лишь о том, что у него было натренированное тело, каштановые волосы...

И не единой капельки геля на них.

Он определенно заслужил мое внимание. Только вот почему он еще не рядом со мной, а в окружении каких—то наглых девиц, что заглядывают ему в рот (их я прекрасно видела)?

Тут он резко повернулся лицом ко мне, и, кажется, его взгляд спустился вниз, да только я уже вовсю делала вид, что на свете нет ничего важнее, чем этот бокал вина перед моими губами.

Его взгляд был настолько сильным, что я невольно почувствовала, как по телу пробежали мурашки. Я забыла, когда такое было со мной в последний раз.

– Давай, не будем ссориться, Гидеон. – Когда я снова обратила внимание на парней, один из них уже разговаривал на

повышенных тонах, а другой явно готовился к контр—атаке.

— Бекка, с кем ты проведешь сегодняшний вечер? — Второй парень обратился ко мне, и я слегка опешила от такого заявления.

— Что, простите?

— Ну, неужели тебя придется упрашивать? — Он закусил губу, переглядываясь с Гидеоном. — А, может быть, сделаем это втроем?

— А ты ничего не попутал? — сквозь сжатые зубы процедила я, одним резким движением плеснув вина в его рожу.

— Черт! — выругался он, хватаясь за свои глаза. — Проваливай отсюда! Проваливай, я сказал!

— Элджер, ей еще рано уходить. — Гидеон прищурил глаза, будто напоминая другу о чем-то важном. Мне эта фраза должна была показаться странной, да вот только я пропустила ее мимо ушей.

— Мне плевать! — рычал он, вытирая свои глаза кулаками, как пятилетний ребенок. — Пусть проваливает! У нас здесь и без нее достаточно шлюх.

— Что ты сказал? — Моя рука уже была готова потянуться за туфлями. Ещё бы чуть-чуть и я проткнула бы его Лабутеном насквозь, не пожалев набойки.

— Что тут происходит? — После этой фразы заткнулись все, кто находился в радиусе десяти метров от нас. Я посмотрела на обладателя голоса, но он избежал моего взгляда.

— Ничего, — отозвались оба виновника конфликта, и я сра-

зу поняла, что они бояться этого парня. Только вот почему? Я никогда не видела его прежде. А новички, как правило, были у них за "мальчиков для битья".

— Тогда займитесь делом. — Приказ вырвался из его губ, и, несмотря на то, что парни были явно чем-то недовольны, послушались его. Я же отвела взгляд в сторону, намереваясь проигнорировать своего "защитника". Но не тут—то было.

— А ведь ничего не изменилось. — Я хотела спросить у него, что он имел в виду, и обратила на него свой взор.

Я посмотрела в его глаза и почувствовала, как мои руки крепко ухватились за пустой бокал, будто он был моим последним спасением.

О. Мой. Бог.

Еще никогда я не видела настолько сильных глаз, которые пронизывали тебя до самых костей, будто обнажая твою душу перед всеми. Эти бесконечно серые глаза с черной каемкой вокруг радужки выкачивали из меня все силы и в то же время порождали в душе какую—ту смуту. Я не могла понять, была ли она приятна. Пока не могла.

Самым странным было то, что мне казалось, будто неизвестный был знаком мне. Где-то в глубине моего подсознания этот взгляд крепко отложился, да только это было то же самое, что вспоминать сон после того, как ты проснулся.

В дополнении к серым глазам ему достался прямой нос, острые, как ножи, скулы и густые брови в разлет. Одна из них была выбрита из-за шрама...

Шрама.

Я потрясла головой, чуть не схватившись за нее, ощутив какое—то странное чувство в своей душе. Как бы там ни было, я решила, что мне стоит соблазнить этого парня. Он падет к моим ногам на раз, два, три и наскучит мне уже к середине сегодняшней ночи.

— Что ты имеешь в виду? — Я обхватила одной рукой свое предплечье и, облизав верхнюю губу, вновь посмотрела на него.

— Ты не изменилась. — Почти шепотом произнес он, в то время как я уже вовсю оценивала его тело, которое, к сожалению, было скрыто рубашкой.

— Не понимаю, о чем ты, но ты, пожалуй, мне нравишься, и я с удовольствием послушаю твои аргументы, из-за которых я должна переспать с тобой сегодня, — отрезала я, но он сделал еще один шаг ко мне, и это насторожило мои нервные клетки, которые и так находились в стрессовом состоянии.

— Было бы так человечно просто поиметь тебя, Бекка. Но мы оба знаем, что этого недостаточно. — Он наклонился к моему уху, обжигая его своим дыханием. Я буквально остолбенела от такой дерзости.

Я снова посмотрела на него, чтобы что-то ответить, но тут, вдруг, чуть не захлебнулась от ужаса, заковавшего мое тело в стальные цепи.

Шрам под губой, который порядком затянулся, уже не смотрелся так уродливо. По правде говоря, я вообще его не

заметила, пока он не оказался так близко. Эти серые глаза, хоть и светлого, но дьявольского цвета. Голос, который пробуждал во мне мороз по коже...

Коул Стоунэм стоял передо мной таким, каким я не ожидала его увидеть. Сильным. Властным. Агрессивным.

И что он только что сказал?

– Ты... – только и смогла вымолвить я, что было совершенно мне не свойственно. Я вдруг почувствовала себя так унижительно – соблазнять парня, которого ты все детство унижала – расклад, которого не ожидал никто.

– Видела бы ты свое лицо. – Он вырвал из моих рук бокал, раздавив его в мгновение ока. Осколки посыпались из его рук, не оставляя на его коже ни единой царапины. Действия Коула начинали меня пугать не на шутку.

– Что ты здесь делаешь? – Я пыталась говорить с ним нормальным голосом, но связки дрожали, а слова застревали где-то еще в груди, на выдохе. Черт, я совершенно не верю, что он мог так измениться. Он же всегда был невидимкой. И никогда не разговаривал так много, как сейчас. Почти никогда.

– Пришел поиграть с тобой. – Его взгляд исподлобья был еще более жутким. Я уже начала жалеть о том, что вообще пришла на эту вечеринку.

Я молчала, ожидая хоть каких—то пояснений. А параллельно продумывала план, как смыться отсюда по—быстро—му, потому что плохое предчувствие не покидало меня и, как

оказалось, было совершенно не напрасным.

— Игра будет заключаться в том, что ты будешь делать все, что я тебе прикажу, — черствым, полным презрения голосом произнес он, заставляя меня в который раз съежиться от надвигающейся угрозы.

Собрав все свои силы в кулак, я разгрозила самым непринужденным смехом, на который только была способна.

— Я? Мечтай. — Я закатила глаза для пущего эффекта, но вдруг...

Коул сделал шаг вперед, надвигаясь на меня, как буря. Его рука грубо прижалась к моему рту, вызывая во мне непроизвольное мычание и панику.

— А теперь заткнись, сука, — процедил он, заглядывая мне в глаза своим серым омутом. — Ты думаешь, я шучу? Любое мое слово, отныне, для тебя «закон», а иначе я всем расскажу, какая ты на самом деле.

Его тело было так близко. Я закрыла глаза, поддаваясь странному чувству рабства, которое испытала, когда он прикоснулся ко мне. От его взгляда мне становилось плохо, кровь прилила к лицу, выдавая мое волнение и страх.

— Я всем расскажу, что ты сделала, Бекка, — жестоко заверил меня он, слегка шлепнув ладонью по губам для закрепления результата. Еще никто не позволял себе так обращаться со мной. Никто и никогда.

— О чем т—ты? — Мой голос задрожал, когда я почувствовала мелкие лихорадочные толчки в каждой клетке своего

тела.

Нет. Нет. Нет...

— Я знаю, что ты сделала. И ты помнишь меня в ту ночь, не правда ли? — ухмыльнулся он, прищулив свои глаза.

— Н—н—нет. Это не правда. Я ничего не делала. Это не я... — безразборчиво начала шептать я, хватаясь за голову.

— Это ты. Ты знаешь, что я все видел.

— О чем же ты? Я не понимаю! — Мой голос начал переходить на крик, и боковым зрением я заметила, что некоторые девушки с любопытством на нас поглядывают. Не знаю, что их заинтересовало: наше "милейшее" общение или Коул, который так и излучал магнетические волны.

— Ты хочешь, чтобы я назвал всего одно слово? — Адская ухмылка коснулась его губ, заставляя меня наконец—то понять о том, что он не блефует. Я догадывалась, что это было правдой, но теперь убедилась в этом окончательно.

Я молчала, но мои губы предательски дрожали. Не в силах успокоиться, я ненавидела весь мир, что впервые в жизни выгляжу такой слабой под взглядом какого—то парня.

А ведь раньше я издевалась над ним, вертела как хотела... Он не упустит шанса расправиться со мной, причем самыми темными способами.

— Так забавно, когда в твоих руках чья-то душа. — Он закатил глаза, проводя рукой по волосам, придавая тону своего голоса небрежность и отстраненность. — Так повышает настроение.

— Урод, — только и могу вымолвить я, еще больше провоцируя на злость. Но не тут—то было. Я забыла о том, что Коулу всегда было плевать на мнение большинства. И теперь уж его точно нельзя было назвать "Уродом".

Я не знала, как это могло произойти — он не стал небывалым красавцем, а черты его лица нельзя было назвать идеальными и правильными. Но они привлекали внимание. Парень походил на искусного гипнотизера, от которого невозможно отвести взгляд. И, конечно, за последние шесть лет его тело преобразилось до неузнаваемости.

Все девушки смотрели на него, как на праздничный торт, а вот сливки, походу, достанутся мне. Да только они будут отравлены ядом.

Глава 4

Коул

– Ты несколько минут назад, была не против переспать с этим "уродом". – Бекка опустила свой взгляд в пол, и я примерно знал, что она сейчас чувствует. – К счастью, у тебя будет такая возможность. Только все будет по моим правилам. Для начала, я тебя хорошенько помучаю.

Она молчала, прикрыв глаза, пытаясь собрать остатки своей гордости. Хотя, она обладала гордыней – один из семи страшных грехов, на которые способен человек.

Как только она вошла в зал, я ощутил прилив энергии, будто подсоединился к своему новому источнику, из которого буду черпать силы.

Я не знал, узнает ли она меня – но Ребекку точно было трудно с кем—то спутать.

Я буду для нее новым лицом, парнем, тенью ее прошлого. В то время как я следил за ней все эти годы, все ее проступки были у меня на ладони.

Облокотившись на черные перила, продолжая стоять в тени, заметил ее. Бекка стояла в гордом одиночестве, что было совершенно на нее не похоже. Каждый из моих "братьев" то и дело норовил оглядеть ее вызывающее платье и заглянуть

в глубокое декольте, обнажающее добрую часть груди.

Она никогда не была стеснительной хорошей девочкой, и, думаю, самое время преподнести ей пару хороших уроков.

Ее иссиня—черные волосы были заплетены в узел на затылке, а перчатки до середины плеча добавляли ей таинственности (как она думала).

Бекка считала себя эталоном красоты, и почти все в этом зале согласились бы с ней. Что касается меня... Я считал ее уродливой прогнившей дрянью.

Утешением для нее может быть только то, что себя я считал точно таким же.

– Я уйду отсюда немедленно, и, давай, на этом ты оставишь меня в покое, – просто попросила она, меняясь на глазах. Кто бы мог подумать, что местная королева так быстро сдастся и превратиться в тряпку. Я—то думал, наша игра будет несколько интереснее. А она уже готова сдать позиции. Неужели так испугалась того, что я все знаю?

– Нет, – отрезал я и достал розу из вазы, что стояла на ближайшей тумбочке из красного дерева. – Я не хочу покоя. Я хочу мести.

– Ты не расскажешь никому! У тебя нет доказательств... Тебе никто не поверит! – Она сжала руки в кулаки и вновь посмотрела на меня своими темно—кариими глазами – чайными, глубокими.

Даже тогда я наблюдал за ней. Но не только физическая красота привлекала меня на этот раз – я хотел обрести в ней

соперницу, равную себе. Я желал, чтобы она мучилась, но не хотел, чтобы сдавалась.

Покажи мне характер, Беа.

Если бы у меня не было такого мощного компромата на нее, она бы давно попыталась меня раздавить, но сейчас все козыри в моих руках. А Бекка довольствовалась жалкими двойками из колоды.

– Ты уверена, что их нет? – все так же холодно спросил я, касаясь лепестками синей розы ее приоткрытого декольте. Она вздрогнула, словно беззащитная жертва, но, тем не менее, не отвела от меня пристальных глаз.

– Что мне нужно сделать? – тихо спросила она, в очередной раз показывая мне, что девушка полностью в моей власти. Она настолько боится, что правда раскроется, и этот страх разгорается в ее глазах все с большей силой.

Она станет моей рабыней, если я этого захочу. Любое желание. Порочная, открытая, но только для меня.

Это будет незабываемое лето.

Ребекка

Синяя роза заскользила по моей груди с еще большей уверенностью, и я отступила назад, понимая, что за мной лишь тупик – стена, обитая деревом. Я огляделась по сторонам: многие давно потеряли к нам интерес, почти все члены братства нашли себе девушек, доступней меня, и перестали ка-

раулить наше общение с Коулом.

Я вдруг почувствовала себя такой беззащитной. Ужасное разрушающее чувство – я будто двигалась по лесу, состоявшему из крошечной тьмы.

– Для начала, ты будешь танцевать. – Он сделал шаг ко мне, и я заметила, как напряглись его скулы, будто за этой фразой он скрывал что-то большее.

– Что танцевать? Для тебя? И это все? – почти с облегчением выдохнула я, достигнув спиной стены.

– Это ты узнаешь сегодня, когда вернешься в свою комнату. Я оставил для тебя подарок. – Он подобрался ко мне еще ближе, и вот между нами было расстояние, которого не хватило бы даже на стебелек от розы.

– Хорошо. Всего—то? – Я не собиралась сдаваться. Он не посмеет манипулировать мною, чертов сукин сын.

Хотя, кого я обманываю? Он уже это делает.

– Не для меня. Для всех нас. Мы будем очень рады полюбоваться твоим телом... Все вместе. – Он приоткрыл рот, и моя душа ушла в пятки после произнесенных Коулом слов.

Он шутит. Пожалуйста, только бы он шутил.

– Только представь: одно мое слово, и ты ублажишь любого в этом зале. – Он самодовольно усмехнулся, подарив мне очередной приступ ненависти.

– Этому не бывать...

Его рука упирается в стену над моей головой, а другая плотным кольцом смыкается на моей шее.

Я стараюсь усмирить свое быстрое дыхание, но грудь не слушается меня.

Его взгляд уничтожает, будто парень наделен силой сжигать одним лишь им. Серые призрачные глаза с черной камеркой вокруг радужки устремлены вглубь моего тела.

– Ты будешь слушаться меня. И ты сделаешь это. – Тон его голоса – переплетение льда и равнодушия. – Или тебе слабо?

– Это слишком, – шепчу я, чувствуя, как Коул вжимает меня в стену силой своей воли, даже не прижимаясь ко мне. – Я не буду этого делать.

– Сделаешь. – Я уверена, что в этот миг он оставил синяки на моей шее. Коул схватил мой подбородок большим и указательным пальцами, непреклонно прошипев: – Сделаешь, и еще как.

– Отпусти меня, – сильным голосом прохрипела я, чувствуя настойчивость его пальцев.

Самое ужасное, что своей жесткостью он пробуждал во мне новое чувство, в котором я не собиралась сознаваться.

– Теперь – никогда, – процедил он, отпуская меня. Я судорожно вдохнула воздух, наблюдая за тем, как он уходит. – А сейчас у меня еще есть гости. На сегодня ты свободна.

Я теперь никогда не буду свободной.

Коул – единственный человек на земле, который знает мою тайну. Он видит меня насквозь, как облупленную, и прекрасно понимает, на что я способна.

Да только это уже не школьные издевки с тарантулом на парте и моими обзывательствами.

Это настоящие жестокие игры, конец которым сможет положить только он.

Но Коул этого не сделает.

Он будет загонять свои ножи мне под кости и совершать удар за ударом до тех пор, пока не насытится своей местью и не раздавит меня, превратив в безвольную птаху – а самое страшное то, что я знала, что заслуживаю этого.

Глава 5

Флешбэк

Коул

Я смутно помнил, что происходило, пока я находился в отключке после того, как Трей и его друзья нашли меня в коридоре. Помню странный запах хлопка и то, как ткань плотно прилегает к моей голове, затрудняя дыхание.

Гогот, смех, разговоры – такие же глупые и бессмысленные, как их обладатели.

– Это здесь? Или увезем его еще дальше? – сквозь затуманенное сознание услышал я.

– Слишком близко к ферме, его найдут. – Парень, что сидел ближе всех ко мне и придерживал за плечи, тоже подал голос.

Судя по легкой тряске и слабому ветерку, мы находились в машине и куда—то стремительно ехали.

– Напомни, зачем мы это делаем? – отозвался третий, полностью незнакомый мне, голос, после чего я уловил звук тормозов, означавший, что мы прибыли на место.

– Повеселиться. – Трей вышел из машины, а за ним и все

остальные члены банды.

— Ребекка попросила поставить на место этого несчастного. Он мозолит ей глаза.

— Не слишком ли много внимания этому сопляку? Даже как-то подозрительно...

— На что ты намекаешь? — В голосе Трея звучали легкие оттенки наступающего гнева и раздражения. — Делай, что тебе говорят. Пусть в следующий раз подумает, прежде чем донимать мою девушку.

— Как скажешь. — Если бы я был в более адекватном состоянии, то поразился бы их бесхребетности.

Мне было, собственно говоря, плевать, что они со мной сделают. Я знал, что они лишь стадо неразумных дикарей, неспособных выживать поодиночке.

Может быть, для кого—то колкости и нападки Ребекки были бы разрушительными, но я видел ее насквозь — она всего лишь была гадким, капризным ребенком, жаждущим привлечь внимание любой ценой. Я и сам когда-то был таким, пока мой отец не начал сходить с ума.

Но я не хочу быть таким, как он. Может быть, когда—нибудь зло внутри меня возьмет надо мной верх, но это будет точно не сегодня.

— Надеюсь, он останется здесь надолго. Здесь редко ездят машины, — усмехнулся Трей, и друзья поддержали его взаимными смешками. Я чувствовал, как мои руки связываю, и поднимают вверх. Кровь приливает к запястьям, и я ощу-

щаю ноющую боль в каждой клетке моего тела.

– Остался последний штрих.

Кажется, я уже обрел способность более—менее ясно мыслить и мог бы умолять о пощаде, но делать этого не стал. Я не позволю им наслаждаться этим зрелищем.

– Разрисуюم уродца. – В следующую секунду я услышал звук, похожий на шипение, и почувствовал странное вещество на своем теле. В нос ударил запах краски, от которого мой разум стал еще яснее, но я даже не попытался открыть глаза.

– Готово, – сквозь зубы процедил Трей, бросая баллончик в мою сторону. Звук был такой, будто он приземлился в траву. Где, черт возьми, я нахожусь? Черт, как же затекли мои руки.

– Приятной ночи, ублюдок, – загоготали они, и я услышал удаляющиеся по траве шаги. – Ну что, идем на вечеринку?

Я тут же приоткрыл веки, но понял, что это абсолютно бессмысленно. На моей голове все еще был хлопковый мешок, который даже не удосужились почистить, и теперь, находясь в сознании, я в полной мере уловил его мерзкий запах, будто там ранее хранили рыбные консервы.

– Горите в аду. – Я вложил в эти слова всю свою силу и мощь, несмотря на то, что они были произнесены шепотом. – Вы все сгниете. Вы все получите по заслугам.

Но меня, собственно говоря, никто не слышал, и они в том числе.

Был ли в моих словах какой-то смысл?

Мне нужно было просто сбросить чувство обиды, которому я хотел сопротивляться, ибо обида – самое разрушающее ощущение, которое только можно испытать. И, в первую очередь, для его носителя.

– А с Ребеккой я разберусь сам. – Мои слова звучали, как заклинание. Для пущего эффекта стоило произнести их, разве что, на латыни. – Я уничтожу ее голыми руками.

Я еще не знаю, когда это будет. Но уверен в том, что теперь не оставлю ее в покое, пока она не будет умолять меня об обратном.

Наши дни

Ребекка

Я выбежала из особняка, как будто бежала от стаи гончих псов, которые преследовали меня по пятам. Чертовы туфли намозолили каждый сантиметр моей стопы, но, как только я гордой походкой проковыляла по территории братства и вышла за забор, тут же перешла на бег.

Этого просто не может быть.

Коул Стоунэм – мальчик, который всегда сидел на задней парте, погруженный в свои мрачные тени. Мальчик, который молча, но снисходительно, проглатывал все мои колкости,

что я бросала в его сторону. Мальчик, которого я любила унижать за то, что он не такой как все, и ему было плевать на мнение посторонних.

Как он превратился в этого внушающего трепет мужчину? Конечно, даже тогда, в детстве, я знала, каким он может быть на самом деле. Догадывалась, что он не такой простой, как кажется.

Коул всегда был не похож на других. В его серых, как прозрачное небо, очах я умела видеть силу, которая была скрыта от посторонних глаз. Я боялась его даже тогда, когда парень сидел на самой дальней парте в классе и прожигал мой затылок своей ненавистью.

Я готовилась ко дню, когда он даст мне отпор, поэтому делала все возможное, чтобы этот день не пришел. Нападение всегда было моей лучшей защитой.

У Коула было поистине темное сердце. Он разговаривал на непонятном нам языке – шептал себе что-то под нос, рисовал странные знаки в своих тетрадках. Меня всегда завораживало это.

Но я хотела, чтобы все и дальше продолжали считать его фриком.

Когда Стоунэм ушел из нашей школы, я вновь обрела свободу и почувствовала облегчение.

Я, правда, хотела стать лучше... Но произошло то, что отложило мои никчемные попытки по исправлению характера.

А теперь я вижу его, и каждая клеточка моего тела трепещет под его хладнокровным взглядом.

И лицо стало другим – более волевым, более жестоким. Шрам, который я считала безобразным, затянулся, и я почти не замечала его, бледнея под напором светло—турмалиновых глаз.

Всем своим видом Коул показывал то, что раздавить меня не составит ему никакого труда.

И я понятия не имела, как мне с ним бороться. Он знал обо мне то, что я пыталась скрыть от самой себя.

То, что спрятала в самых тайных и глубоких уголках своей памяти.

Чуть не взыв от отчаяния и боли в ногах, я сняла туфли и пошла по асфальту босиком, радуясь, что на улице уже давно стемнело. Зачем я вообще пошла на эту глупую вечеринку? Возможно, так мне бы удалось избежать этой неприятной встречи.

Но что-то мне подсказывало, что Коул выжидал специально. И пусть не здесь и не сейчас он нашел бы меня в любом случае, потому что его слова, его действия совсем не выглядели спонтанными.

Он смотрел на меня так, будто жертва, за которой он гонялся много лет, наконец—то забралась в его капкан... При чем пришла туда добровольно.

Мне внезапно почему-то захотелось как можно быстрее дойти до кампуса – после встречи с Коулом я больше нигде

не чувствовала себя в безопасности. Резко обернувшись назад, я увидела перед собой пустую дорогу, хотя еще несколько секунд назад была уверена в том, что слышала чьи—то шаги.

Я наблюдал за тобой.

Попав на территорию университета, я вздохнула с облегчением, потому что здесь в любое время суток горели фонари, гуляли одинокие студенты, или же собирались небольшие группы.

В то же время я очень боялась того, что увижу в своей комнате. Коул пообещал мне не самый приятный сюрприз, но я даже не догадывалась, что там может быть. От этого психа можно ожидать чего угодно.

Раньше он был просто душевнобольным, к которому я испытывала странные чувства. И, уж точно, не была к нему равнодушна, как к большинству людей.

Теперь же он был ненормальным, от которого невозможно было отвести глаз, и вызывал еще более смешанные чувства.

Страх. Дрожь. Желание расцарапать его лицо, оставляя на скулах шрам за шрамом.

– Он не посмеет меня шантажировать. Пусть найдет себе другую игрушку, – в пустоту прошептала я, оказавшись в своей прохладной комнате. Здесь кто-то был – балконная дверь раскрыта настежь, и ветерок с улицы развеивал белую занавеску перед дверью.

Даже в своей комнате я не смогу чувствовать себя в без-

опасности. Но я не намерена возвращаться домой к недовольствам матери и игнору вечно занятого отца. С меня хватит.

Включив свет, я посмотрела на кровать и шумно выдохнула. *ЭТО* было трудно не заметить. На простынях лежала огромных размеров белая коробка. Присмотревшись внимательнее, я заметила на поверхности синяя розу, вид которой не предвещал мне ничего хорошего.

Я всегда любила синие розы, считая их очень оригинальным подарком. Но именно этот цветок вызывал у меня отвращение и желание выкинуть его немедленно.

Борясь с противоречивыми чувствами – распечатать эту коробку или же сразу ее сжечь, – не стала делать ни того, ни другого. Он не получит моих эмоций, даже когда не видит меня.

Спокойно выдохнув, решила не изменять себе – перед сном я всегда приводила себя в порядок, надевала уютную шелковую пижаму или сорочку, затем снимала все тонны своего макияжа и несколько минут расчесывала волосы. В этот раз я даже затянула с этой процедурой, лишь бы избежать времени встречи со злосчастной коробкой, которая уже порядком мозолила глаза.

Осознав, что тянуть время уже бесполезно, я присела на кровать и смахнула розу с белого картона. Откуда он знает, что я люблю? Коул наблюдал за мной, разумеется. Он же не мог прочесть мои мысли.

Уняв дрожь своих пальцев, открыла коробку и увидела записку и что-то из ткани и украшений, сложенное на дне коробки. Что сделать сперва: прочитать записку или же рассмотреть такой красивый "подарок"?

Руки потянулись к ткани, которая струилась в моих руках, и, расправив предмет одежды, я поняла что это бедла* (прим. Костюм для танца живота. Классическими его элементами являются лиф, пояс и широкая юбка, часто с разрезом на бедре).

Мне всегда нравилась восточная культура – мехенди на руках, сари, их украшения из чистого золота.

Это был настоящий костюм для восточного танца, и он прекрасен. Очень красивый: идеального бирюзового цвета, прямо как коробочки от Тифанни; лиф от костюма был украшен огромными камнями, и что-то мне подсказывало, что они не являлись обычной бижутерией.

В этом костюме я бы выглядела бы как Жасмин... Что ж, я так полагаю, он позаботился о предстоящем Хэллоуине? *Мальш*, этот праздник через пять месяцев, очнись.

Я схватила в руки записку и вгляделась в слова, выведенные черной гелиевой ручкой:

*«Ровно через неделю у нас будет закрытая вечеринка. Мы с братьями хотим расслабиться, и ты нам в этом помо-
жешь. Я надеюсь, ты будешь хорошо танцевать. И не за-
бывай, что глубоко пожалеешь, если не явишься в назначен-
ное время».*

Далее – лишь дата предстоящего мероприятия и подпись, состоящая из первых букв фамилии и имени Коула.

Разорвав жалкий листочек в клочья, я смахнула с кровати коробку и костюм со своей кровати и громко рассмеялась.

Да что он может сделать? Он хоть понимает на кого напал? Один щелчок моих пальцев, и его... Его...

Нет, я не могу не прийти. Он знает обо мне слишком много. Боже, я оказалась в каком-то замкнутом колесе и все что могу – это бегать по кругу.

Прийти на вечер – значит не просто сдать, но еще и унижаться перед всем братством, которые уже так привыкли к моему величию. А что теперь? Они будут смотреть, как я вытанцовываю для них приватные танцы, слово продажная шлюха?

Я откинулась на подушки, все еще не веря, что всего лишь один вечер так круто поменял мою жизнь. Еще вчера самой страшной проблемой казались указы мамы и выбор между новым платьем и сумочкой. А теперь... Теперь я была потеряна и совершенно не знала, что мне делать.

Мысленно я все чаще возвращалась в тот вечер, когда оступилась и пошла по неверной дороге, но тут же отгоняла от себя это ведение прочь.

Коул Стоунэм стал крутым парнем и думает, что может сломать меня жалкой запиской и шантажом?

Хочу его заверить, что это ничтожно мало для такой девушки, как я, и пообещать ему всенепременно, что я не со-

бираюсь приходить на его закрытую вечеринку.

Он этого не дождется.

Я укуталась одеялом и поняла, что лучшим решением всех моих упавших на плечи проблем будет крепкий здоровый сон.

Флешбек

Коул

Не знаю, сколько я висел в таком положении, но уже чувствовал, как где-то внутри начинают рваться моих связки. Напряжение в мышцах никак не помогало делу. Боль в запястьях достигла такого апогея, что уже почти перестала ощущаться.

Но больше всего меня раздражал этот мешок – я не мог ничего видеть. Не знал, где я нахожусь. И не хотел кричать о помощи, подозревая, что меня все равно никто не услышит.

К тому времени, как я начал медленно сходить с ума, услышал новые шаги – чьи—то не очень тяжелые ноги ступали по траве, и я сразу обозначил, что ко мне приближалась какая—то девушка. Шестое чувство подсказывало мне, что я был с ней прекрасно знаком, и внезапная радость охватила меня целиком: долго мне висеть здесь не придется.

– Оу. – Вдруг услышал я женский голос, принадлежавший

единственному человеку, с которым наше общение можно было бы назвать нормальным и даже слегка дружеским. Мэл скинула с моей головы мешок и произнесла. – Они себя—то видели?

Я не понимал, о чем она говорит, вглядываясь в ее голубые глаза и светлые волосы с черными прядями на концах. Мэлани была весьма неординарной личностью, как и я, и только она разделяла мой музыкальный вкус, несмотря на то, что общались мы редко. Несмотря на схожие интересы, мы оба предпочитали быть одиночками, но она, в отличие от меня, не была "Изгоем".

– Тебе нужно помыться, я имею в виду. – Она достала из кармана перочинный нож и забралась на комбайн, к которому я, оказывается, был подвешен. Мы находились в поле недалеко от фермы Пэкстонов, и наверняка это были их владения. – И тебе нужна одежда.

Как только я почувствовал свободу вокруг запястий, рухнул на землю. Почти сразу поднявшись с травы, я принялся разминать кисти, как сумасшедший, постепенно отгоняя боль. На мне были лишь мои черные джинсы – эти придурки раздели меня и украсили мою грудь нелицеприятными надписями.

– Урод, изгой, – прочитала Мэл, как будто я сам не мог этого видеть. – Не понимаю, чем ты им не угодил, парень.

– Ты мое лицо видела? – Я скривился, прикрыв свой шрам ладонью, вдруг ответив ей. – В чем-то они правы.

– Я не замечаю его, когда смотрю на тебя. – Она пожала плечами, положив свои руки в карманы черной косухи. Мэлани выглядела, как готическая личность, которая никогда не изменяла любимому черному цвету и браслету с шипами на ее шее. И как удачно сложилось, что она носила с собой такое холодное оружие, как перочинный нож.

– Спасибо. – Мой голос звучал отстраненно, несмотря на то, что я был действительно благодарен девушке. Мои запястья выглядели красными, будто я собственноручно пытался их порезать тупым ножом.

– Я приехала сюда на машине. Следила за Треем от самой школы, когда увидела, что они делают с тобой. Потом заплутала и наконец—то нашла тебя, – пояснила она, взглядом приглашая меня в стоявшую у дороги машину. Старенький пик—ап выглядел для меня, как спасение. – Я собираюсь на вечеринку сейчас, предлагаю тебе взять одежду моего парня и отправиться со мной.

– Что мне там делать? Я не собираюсь посещать дерьмовые вечеринки этих недоумков. – Я вздернул подбородок, не смотря в сторону девушки. – Подбрось меня до города, а дальше я сам.

– Тебе нужно показать им, что ты в порядке. Что они так старались, а нет – у них ничего не вышло.

– Я не хочу им ничего доказывать. Это только опустит меня до их уровня. – Я поджал губы, выражая все свое отвращение к своим сверстникам. И все же доля правды в словах

Мэл была – на Трея и его друзей мне было все равно, но вот увидеть реакцию Ребекки... Не знаю почему, но я хотел вывести ее из себя, если это было возможно.

– Поехали. Это не займет много времени. Я поставлю [*My Chemical Romance*](#) — *Famous Last Words*, – соблазнила меня она, и я коротко кивнул, потянув на себя дверную ручку ее пик—апа.

Глава 6

Наши дни

Коул

Женские руки касались моих плеч, пока я принимал ванну, до краев наполненную водой. Одна из двух девушек, что вились вокруг меня, пыталась доставить мне удовольствие неумелым массажем, но я не одобрял ее попыток. Девушка взяла в руки мочалку и, находясь позади меня, провела бархатным материалом по моей груди.

– Может вам еще что-нибудь нужно? – промурлыкала та, чье имя я не знал, потому что она даже не представлялась. Девушки были для меня безликими существами, чье предназначение заключалось лишь в удовлетворении моих потребностей.

– Ты знаешь свою работу. – Закрыв глаза, спустился в воду поглубже. Ее руки вяло скользили по мне, что невыносимо раздражало. Я попытался представить на ее месте девушку, которая вызывала во мне бурю эмоций, но так и не смог.

Ребекка Картер никогда не принадлежала мне, и даже если я захочу сломать, подчинить ее себе, она не будет так про-

сто сдаваться.

Она будет сопротивляться, она будет бегать от меня, распахивая мое желание, кружа мою одурманенную голову.

Иногда мне хотелось пожалеть ее и оставить в покое — вторая часть меня была не настолько ужасна, как первая, которая занимала во мне слишком много места в последние годы. И все же я не хотел возвращаться к той, другой стороне, потому что знал, что это будет скучно... Так скучно быть хорошим. Так скучно быть неприметным парнем, который вечно сидит в конце класса и молчит.

Темнота уже многие годы пожирала меня изнутри, а врачи все еще пытались поставить мне правильный диагноз. Успокаивали, говорили, что еще ничего не известно.

Но каждый раз, когда я навещал своего отца в клинике, убеждался в обратном.

Лично мне понятно абсолютно все.

И пока я могу находиться в здравом уме, то, пожалуй, воспользуюсь этим.

Я хотел девушку равную себе — такую же, как и я. Ту, что будет терзать меня, выводить на эмоции и сводить с ума. Непокорную, дикую и живую.

И, пускай, она будет последней мразью. Ребекка не заслуживала кого-то большего, чем я. Она портила все, к чему прикасалась, и это уже не изменить.

Если сегодня Бекка придет на наш вечер, она только разочарует меня. Но если же девушка не оправдает мои надеж-

ды – я подготовил для нее сюрприз, который запугает ее еще больше. И тогда-то уж она точно почтит нас своим присутствием.

Ребекка

Ровно неделя и один день прошли с того дня, как я вновь познакомилась с Коулом Стоунэмом. Вчера вечером наступил тот час – момент, когда я должна была вновь явиться в братство, только в этот раз не в качестве почетной гости.

Для себя я решила сразу: я не хочу этого. Он не увидит, как я ползаю перед ним на коленях. В глубине души я вообще надеялась, что мы с Коулом больше никогда не увидимся.

Вчера я послушалась его, и до сих пор ничего страшного не произошло. В конце концов, его угрозы оказались лишь пустыми словами.

Я вернулась домой, чтобы забрать Зевса – это было не просто, но мне удалось договориться о том, что он будет жить со мной в комнате. По крайней мере, так я буду чувствовать себя в безопасности.

– Моя непутевая дочь даже летом не желает находиться дома! – Проходя мимо белой двери с золотыми ставнями, я услышала голос Элины. – Да. Мы с Грэгом столько вложили и в нее, и в Кайла, и ты только посмотри, что из них вышло!

Я закатила глаза, пытаясь прислушаться к разговору мамы и ее подруги подпевалы из женского клуба. Я, конечно,

всего могла ожидать, но не того, что она обсуждает нас за нашими спинами, да ещё и отзывается о нас с братом не самыми лестными словами.

– Ребекка просто невыносима. У нее трудный характер. Она никогда не поступает правильно – все делает по—своему и совершенно ничего не понимает. – Я отошла от двери, больше не желая слушать этот вздор.

Родители всегда желают для нас лучшего, и я понимаю этого. Но иногда они не замечают, что детям нужно просто давать свободу, и тогда они сами будут тянуться к ним.

Мне просто нужна была поддержка.

И я хотела быть для них идеальной со всеми своими недостатками.

Но все что могли сказать обо мне мои родители – это то, что я была недостаточно хороша. Не так красива, как им бы хотелось.

Не так умна, как они предполагали.

И не так следовала их мечтам, потому что обладала своими.

Но и они разбились, сгорели, лопнули... Если мечты были бабочками, то я давно сжала их в своих кулаках, не дав им вылететь на волю.

– Зевс, – тихо позвала я, взглянув в темные глаза пса, что восседал на моей кровати. Среди шелковых простыней он смотрелся весьма по—королевски. – Иди ко мне, мой хороший.

Зевсу не пришлось повторять два раза – он радостно слетел с постели и направился навстречу моим рукам. Я наклонилась и обняла огромную собаку, совершенно не испугавшись замарать свое новое платье его любовными слюнями.

– Ты пойдешь со мной, мальчик. – Я не могла иначе общаться с Зевсом. Если бы животные могли улыбаться, то он бы сейчас сделал именно это. Кажется, ему совсем не нравилось гостить в моей спальне в одиночестве. Пес одобрительно твякнул, и, погладив его по блестящей шерстке, я надела на него поводок.

– Знаю, тебе это не нравится, – прошептала я, поглаживая по макушке. – Но я не хочу, чтобы ты напугал весь студенческий городок, и они жаловались на тебя и твой грозный вид. Хорошо?

– Ох, она еще и с собакой разговаривает, – позади меня раздался недовольный голос Элины, и, обернувшись, я увидела мать в шелковом халате. Она скрестила руки на груди и выглядела весьма разъяренной.

– Тебе послышалось. – Встав, не обращая на нее никакого внимания, направилась к выходу.

– Ты бы лучше с родителями была такой милой! – продолжала роптать она, не давая мне прохода.

Мы с Элиной обменялись холодными взглядами. Не моргая, я вглядывалась в ее лицо, в идеальную кожу матери и пыталась найти там хоть каплю настоящего. Но я видела лишь свое отражение.

Я была ребенком своих родителей. Такая же высокомерная, как мать. Настолько же холодна, как и мой отец.

Как бы мне хотелось хоть на час залезть в их сердца и узнать хоть один ответ на свои вопросы. И первый вопрос, который я бы задала, звучал бы так:

А вы вообще меня любите?

– Мама. – Я отвела взгляд и потянула за собой Зевса. – Желаю тебе хорошенько обсудить своих непутевых детей со своими чудесными подругами.

Стремительно спустившись по лестнице, побежала вперед, благо Зевс теперь тянул меня за собой, и уже через несколько секунд я оказалась на свободе.

– Бекка! – Кто-то окликнул меня, когда я с Зевсом подходила к женскому общежитию. Через секунду я взглянула на Рейчел – это была одна из моих, так называемых, "подруг" – девушка, с которой мне не стыдно было пообедать за одним столиком, а также сходить вместе на одну из студенческих вечеринок.

– Да, – вместо приветствия произнесла я, приказывая Зевсу подождать. Он смиренно сел на задние лапы и высунул длинный розовый язык.

– Ого! У тебя есть собака? – Моя собеседница никогда не обладала особым интеллектом. Она наматывала свои локоны на средний палец и с интересом поглядывала на Зевса.

– Как видишь, – спокойно ответила я, недоумевая, зачем

она вообще ко мне подошла. — Ты что-то хотела?

— Нет, Бекс. — Она улыбнулась мне поддельной улыбкой. — Просто хотела отметить, что тебе очень идет новый цвет волос.

Ага, а я хочу отметить, что тебе только дай повод поподлизываться.

— Пойдем вместе? Наши комнаты ведь на одном этаже. Заодно расскажу тебе о своем новом приключении.

Я кивнула, и мы вместе направились в наши комнаты. Только вот Рейчел болтала без остановки, а я делала вид, что мне очень интересно, кто ее новый парень. Рейчел взалхлеб рассказывала о новом богатом мужчине, которого она подцепила в гольф—клубе, и через пару минут я знала всю его подноготную.

Только мои мысли были далеки от Рейч и ее нового ухажера: мне не терпелось показать Зевсу новое место жилья, а потом выйти на пробежку, чтобы привести свои мысли в порядок. В последнее время я так много нервничала, и мне некуда было выплеснуть все потоки своей негативной энергии. Бег для меня был заменой секса на некоторое время, пока я не нашла достойного кандидата для того, чтобы исправить это недоразумение.

Вот только теперь при мысли о сексе я отчетливо представляла, как ярко горят два серых глаза, превращающиеся во властный взгляд.

— Будь осторожна. Наивно полагать, что ты для него не

очередное увлечение, – подвела итог я, вставляя ключ в замочную скважину, когда мы оказались возле моей комнаты.

Рейчел молчала, и я уже хотела попрощаться с ней, как вдруг заметила ужас, отраженный на лице девушки. Она замерла с приоткрытым ртом и переводила взгляд с меня на дверь, и так несколько раз.

– Что с тобой? – Зевс залаял, видимо ребенку не терпелось избавиться от моей навязчивой подружки.

– Я хотела спросить, что с твоей дверью? – Она показала пальцем перед собой, и я, ничего не понимая, проследила за ее движением.

Сердце пропустило удар, когда я увидела красную, словно символическую, надпись на своей двери.

"Убийца".

Руки пробила мелкая дрожь, я почувствовала, как капельки пота проступают через каждую пору на моей коже. Нет, нет, нет, это просто какой-то кошмар.

Огромным усилием воли мне удалось прийти в себя и ровным голосом произнести:

– Чьи это шутки?

– Бекка.

– Ты же понимаешь, что это просто шутки завистников, Рейчел? – Я посмотрела на девушку, но та даже забыла о своей привычке наматывать волосы на пальцы.

Рейчел молчала, и даже лай Зевса не мог вывести ее из оцепенения.

– Рейчел! – окликнула я, толкая вперед дверь. – Ты же понимаешь?

– Конечно, Бекка, – шепчет она, приходя в себя. – Конечно. Тебя многие недолюбливают, вот и пишут всякие глупости... Да.

– Я надеюсь, это останется между нами? – Я попыталась скрыть волнение в своем голосе, и девушка покорно кивнула мне в ответ. – Иначе весь деканат узнает о том, что ты спишь с профессором Нилом.

Она поморщилась и поджала губы, по—прежнему с интересом разглядывая меня. Ей явно не нравилось, что я собиралась использовать ее секрет, который она сама мне выболтала, против нее.

Поэтому, первое правило стервы: *«Никогда. Никому. Ничего. Не рассказывать. Никогда!»*

Я держала все тайны при себе, и спрятаны они были глубоко в моей душе – в сундуке, ключ от которого я выбросила в море. Символически, конечно.

– А разве я что-то видела? – Она вернула свою вечную улыбку и, помахав мне рукой, скрылась в глубине коридора. Я же решила отложить ласки с Зевсом и немедленно отыскать тряпку и хоть что-то похожее на хлорку, чтобы оттереть этот ужас немедленно.

Я не убийца.

Отчаянный крик души, в который не верю даже я. Потихонечку я начинаю восстанавливать обрывки того вечера,

и вырисовывающаяся картина мне совершенно не нравится. Кончики моих пальцев леденеют при мысли о произошедшем, и в очередной раз я чувствую, как моя непробиваемая стена рушиться. Я понимаю, что он знает даже больше, чем я думала.

Коул сломает меня. Он сделает все, чтобы сломать меня. Физически. Психологически. Он будет тянуть за все ниточки, пока не уничтожит весь клубок, который мы называем сердцем.

Глава 7

Наши дни

Ребекка

Говорят, что одиночество – удел сильных, но я уже сомневалась в правильности этого утверждения. Может быть сила в том, чтобы уметь самостоятельно принимать решения и нести ответственность за свои поступки.

Хотела ли я совершить то, что тогда сделала? – Я не могу однозначно ответить на этот вопрос.

Я вспоминаю, как делала людям гадости все эти годы и была противна самой себе: уводила чужих парней; распускала слухи о людях, которые мне не нравились или просто мешались на пути.

Вспоминаю, как подмешала Эмили наркотики в пунш, чтобы она отдалась Дмитрию (Дмитрий являлся тогда Президентом братства, и, благодаря этому инциденту, его отстранили от дел).

А ведь если бы этого не случилось, Коул же наверняка не появился бы в моей жизни, и мне бы не пришлось сейчас вновь возвращаться в это темное логово, чтобы танцевать пе-

ред этими уродами, дабы Коул никому не сболтнул лишнего.

Родители знали, что мы с Кайлом не святые, но эта информация была бы лишней даже для них. Так и вижу, как мама сидит в мягкой софе в гостиной и принимает капли от нервов, сетуя на то, какая же у нее никчемная дочь.

Когда я вошла в пустой холл особняка, сразу услышала дикий смех, доносившийся откуда-то из глубин соседних комнат. Костюм уже был на мне, и все, что мне оставалось, это снять черный плащ, который я накинула, чтобы остаться инкогнито. Заглянув в зеркало, что находилось у самой двери, я закрыла свое лицо вуалью, оставив от своего имени лишь одну видимую черту – иссиня-черные волосы, и, конечно же, фигуру, которую было трудно спутать с какой-либо другой.

Я была счастливой обладательницей самого красивого типа фигуры «песочные часы» и иногда даже сама удивлялась тому, как моя талия может быть настолько тонкой.

Я собиралась станцевать так, чтобы всем понравилось. Коул не должен видеть, что меня задевают его жалкие задания и условия «игры».

Я не буду выполнять его правила. Просто добавлю туда своих, и, посмотрим, что же из этого выйдет.

Коул

– Все-то ты умеешь, – скептически заметил Александр,

когда я загнал один из шаров в лунку. Закрытые вечеринки Братства были довольно скучны и обыденны: игры в покер, бильярд, наркотики, сигареты и девочки. По крайней мере, я был пока только на таких.

Вспомнив, что сегодня меня ждет сюрприз, сбросил с себя желание послать все к чертям и улыбнулся своему себе-седнику.

— Это довольно легкая игра. — Опираясь на кий, посмотрел на часы: Ребекка опаздывает, а может и вовсе не придет, как в прошлый раз. К счастью, на этот случай у меня уже заготовлен новый план, который загонит ее еще в более тесную ловушку.

— Да неужели. — Его рот скривился в наглой усмешке, и я взглядом пригласил Александра к столу, где собрались несколько наших братьев. Мне необходимо было выпить.

Только я собрался налить себе добротную порцию Henessy, как услышал чьи—то шаги, и тихую восточную музыку.

Она здесь.

Моя кровь будто сама стала похожей на виски, горячими волнами разлившись по телу. Мы находились на цокольном этаже в бильярдной, и я кинул взгляд на лестницу, по которой спускалась девушка, одетая в нежно—голубой прозрачный шелк.

Ее тело загорелое, прекрасное, кожа переливалась манящим блеском при каждом движении бедер. Одной рукой она

придерживалась за перила лестницы, другой же ласкала свое тело без всякого стыда.

Её пальцы гуляли по животу, пока она танцевала, извиваясь всем телом, словно змея. Я не мог отвести взгляда от плоского живота Ребекки, но краем глаза заметил, как абсолютно все парни замерли с открытыми ртами.

Она спускалась все ниже и ниже, опьяняя, маня своими плавными движениями. Я уже почти забыл, как ненавижу ее, но нет, разумеется, это шутка...

Ребекка будет хороша в постели, определенно.

Я облизал губы, когда она опустилась на пол, карабкаясь по нему, продолжая свой танец. Затем девушка встала, поиграв перед нами бедрами, и подошла ко мне.

Ее лицо было скрыто плотной тканью, и мне это совершенно не понравилось. Мы так не договаривались. Я хотел, чтобы все знали, что это была она.

Покачиваясь в такт музыке, она сняла с пояса один из своих платков и накинула мне его на шею, притянув к себе. Это было мимолетное движение, и все же это попытка противостоять мне. Не желая мириться с этим, я сорвал с нее вуаль, наслаждаясь зрелищем, которое и ожидал увидеть – темные полные испуга и отчаяния глаза. Но она тут же скрыла это под улыбкой, будто была актрисой, которая хорошо исполняла свою роль.

– Это она, – прошелся шепот среди моих братьев, и я увидел самодовольные ухмылки на их лицах. Уважительные

кивки в мою сторону. Мне осталось только поднять бокал в воздух и негласно произнести фразу: «Наслаждайтесь, друзья».

Но Ребекка, кажется, ничуть не смутилась такого расклада событий или же сделала вид. Она подошла к Тристану и продолжила танцевать около него, чуть ли не трясь об него бедрами. По его лицу я понял, что он находился сейчас где-то на другой планете, но точно не был с нами.

Ребекка умела сводить с ума, потому что каждое ее движение источало женственность, уверенность и природную красоту.

Лиф приподнимал её без того большую грудь, делая ее округлой. Мне вдруг захотелось подбежать к ней, сорвать с Ребекки эти ткани и прижаться к соскам девушки губами, втянуть их в свой рот, ласкать языком, слушая ее протяжные стоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.